

Научная статья

УДК 159.9.01

DOI 10.25205/2658-4506-2022-15-2-5-16

Эмпатия в феноменологической психологии и психотерапии

Александр Афанасьевич Санженakov

Институт философии и права СО РАН

Новосибирск, Россия

sanzhenakov@gmail.com

Аннотация

Работа направлена на рассмотрение проблемы доступа к другому сознанию в феноменологической психотерапии. Проблема заключается в том, что другое Я является в одно и то же время феноменом, который конституируется моим сознанием, и трансцендентальным субъектом, находящимся в объективной реальности. Рассмотрение проблематики начинается с материалов летнего курса лекций 1925 г., прочитанного Гуссерлем во Фрайбурге, где излагается суть проекта «новой психологии». Новая психология должна стать альтернативой для естественнонаучного подхода за счет обращения к непосредственному индивидуальному опыту, к переживаниям субъекта, и поэтому в качестве объекта она избирает интенциональную жизнь, отказываясь от излишней теоретизации по поводу наблюдаемых феноменов. Работая с априорными формами, психолог вскрывает посредством интуиции универсальные доопытные структуры сознания. Особое значение в работе психолога и психотерапевта имеет эмпатия или вчувствование (нем. Einföhlung). Гуссерль разрабатывает свою концепцию вчувствования через переосмысление теории эмпатии Т. Липпса. Эмпатию Гуссерль понимает не как зеркальный процесс, а как проецирующее уподобление. Важным качеством здесь служит функциональная общность между воспринимающим субъектом и тем, кто воспринимается. Это позволило разработать ряд продуктивных терапевтических подходов. В заключении статьи приводятся два примера таковых – феноменологическая психиатрия К. Ясперса и метод субвербальной коммуникации Ю. Джендлина.

Ключевые слова

переживания, феноменология, эмпатия, Einföhlung, субвербальная коммуникация, другие сознания

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-011-00911.

Для цитирования

Санженakov А. А. Эмпатия в феноменологической психологии и психотерапии // *Reflexio*. 2022. Т. 15, № 2. С. 5–16. DOI 10.25205/2658-4506-2022-15-2-5-16

Empathy in Phenomenological Psychology and Psychotherapy

Alexander A. Sanzhenakov

Institute of Philosophy and Law SB RAS

Novosibirsk, Russian Federation

sanzhenakov@gmail.com

Abstract

This study aims to focus on the problem of access to other minds within phenomenological psychotherapy. The problem is that the Other is at the same time a phenomenon that is constituted by my consciousness and a transcendental subject located in objective reality. The author begins with the materials of the 1925 summer course of lectures given by Husserl in Freiburg, which set out the essence of the “new psychology” project. The new psychology should become an alternative to the natural-scientific approach, and should refer to direct individual experience. Therefore, it has intentional life as an object, refusing excessive theorizing about the psychological phenomena. The psychologist reveals the universal pre-experimental structures of consciousness through intuition, working with a priori forms. Empathy (German: *Einfüllung*) plays an important role in the work of a psychologist and psychotherapist. Husserl developed his concept of empathy through a rethinking of the theory of empathy by T. Lipps and understood it not as a mirror process, but as a projecting assimilation. Functional commonality allows you to create a bridge between the perceiving subject and the one who is perceived. Husserl’s concept of empathy became the basis for developing a number of productive therapeutic approaches. At the end of the article, two examples of such approaches are given: the phenomenological psychiatry of K. Jaspers and the method of subverbal communication of E. Gendelin.

Keywords

experiences, phenomenology, empathy, *Einfüllung*, subverbal communication, other minds

Funding

The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00911.

For citation

Sanzhenakov A. A. Empathy in Phenomenological Psychology and Psychotherapy. *Reflexio*, 2022, vol. 15, no. 2, pp. 5–16. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2022-15-2-5-16

Введение

Феноменологический подход в психологии, психопатологии, а также в консультативной психотерапии зарекомендовал себя как альтернатива есте-

ственнонаучным подходам. Это противостояние отчетливо фиксирует Л. Бинсвангер в своей статье «Феноменология и психопатология»: «между существующей до сих пор описательной психопатологией и феноменологической психопатологией существует глубокое различие, которое и оправдывает методологическое отделение одной от другой, несмотря на то, что на практике они постоянно и тесно взаимодействуют» [Бинсвангер, 1992. С. 125]. Интересным образом эти тенденции были усмотрены и сформулированы Л. С. Выготским [Кучинский, 2010. С. 14]. В основе противопоставления лежат два взаимоисключающих устремления: первое – отказ от теоретизирования и приложения к исследуемым психическим феноменам уже сложившихся научных теорий, второе – стремление подведения частного под общее, т. е. дедуктивно-номологическая модель объяснения. Соответственно, к первому тяготеет феноменология, а ко второму – все прочие направления.

«Феноменологически исследовать нечто – значит изучить то, как мы нечто переживаем, безотносительно к тому, что мы об этом знаем» [Улановский, 2009. С. 28]. Этот принцип имплицитно заключает в себе другой не менее важный принцип: феноменологическое исследование всегда проводится от первого лица, поскольку в центре внимания индивидуальный опыт Я. В этом кроется затруднение, с которым неизбежно сталкиваются те, кто практикует феноменологическую психологию и психотерапию. Им приходится иметь дело не с собственным его, а с чужим сознанием: «основа психопатологии есть преимущественно восприятие другого (Fremdwahrnehmung), восприятие какого-то чужого или другого Я и несравненно реже восприятие собственного» [Бинсвангер, 1992. С. 126]. Доступ к чужим переживаниям по понятным причинам затруднен, мы можем ориентироваться только на слова пациента, но очевидно, что вербальный канал весьма специфичен и вносит искажения в трансляцию опыта. Поэтому феноменолог расценивает слова не как знаки, а как путь, пройдя по которому мы можем вчувствоваться в чужое переживание, найти феноменологическую «сущность», что позволяет говорить о доступе к вещи (Sache), к самому предмету.

В этой статье мы намерены рассмотреть проблему доступа к другому сознанию (или же вчувствования в переживания Другого) в рамках феноменологической психологии и психотерапии. Сначала мы изложим некоторые теоретические положения Гуссерля относительно проекта «новой психологии», затем обратимся к решению проблемы солипсизма в феноменологии, и в конце рассмотрим пример применения феноменологии в современной психотерапии.

«Новая психология» Гуссерля

Проект «новой психологии» разворачивается под пятизначным девизом: Априорность, Эйдетика, Интуиция или Чистое Описание, Интенциональность, о чем сообщается в лекциях по феноменологической психологии

1925 года [Husserl, 1977. P. 33]. Первый ориентир предполагает, что психология должна быть направлена на некоторые универсалии, которые не есть проявления психологической жизни, но, напротив, являются условиями всякого психологического бытия. Затем следует эйдетическое объяснение. Интуиция (или описание) позволяет нам посредством внутреннего видения открыть источник априорности. Благодаря такой процедуре выявляется самая универсальная сущностная характеристика психического – интенциональность.

Лекции Гуссерля о феноменологической психологии открываются с важных программных замечаний. Прежде он отмечает, что многолетний опыт естествознания привнес искажение в наше понимание области психического. Привычка абстрактно-символического естественнонаучного мышления закрывает доступ к правильному пониманию ментальных состояний [Ibid. P. 40]. В связи с этим одной из задач «Лекций 1925 года» является всесторонняя критика физикализма в психологии. Для решения этой задачи и для снятия искажающей «линзы» естественнонаучной парадигмы Гуссерль предлагает вспомнить, что психология, как и любая другая наука, произрастает из дотеоретического опыта. Другой шаг, который нужно сделать, чтобы отойти от натуралистической психологии, заключается в замене объяснительного метода дескриптивным методом, о чем говорил Дильтей, интуиции которого Гуссерль в определенной степени разделяет. Дильтей выступал с критикой современной ему психологии, показывая, что та идет по неверному пути: разделяет то, что должно быть едино. Имеется в виду внутренняя психическая жизнь индивида, которая есть то, что переживается (*erlebt*) и может быть познано (то есть понято) также через внутренний опыт. Поэтому анализ мы заменяем на описание, внешний подход на внутреннюю рефлексию, а разделению на части, между которыми устанавливаются причинно-следственные связи, мы противопоставляем единство душевной жизни как единство переживаемого опыта. Однако возникает вопрос, «как в психологии, опирающейся исключительно на внутренний опыт и описание душевной жизни, прийти к универсальности закона?» [Ibid. P. 11]. Этот вопрос актуален с точки зрения построения научной основы, на которой могла бы развиваться психология как дисциплина. Если же посмотреть на психологию и тем более на психотерапию как на практические дисциплины, то необходимо поставить несколько иной вопрос, а именно: если мы опираемся исключительно на внутренний опыт, то каким образом терапевт может успешно работать с чужим сознанием?

Феноменология и проблема «других сознаний»

Проблема других сознаний является классической для философии, поэтому сложно зафиксировать момент ее возникновения, однако можно с уверенностью сказать, что в середине прошлого столетия эта проблема активно дискутировалась. Как отмечают специалисты, единого понимания самой проблемы и тем более ее решения не существует. В самом общем виде про-

блема может быть сформулирована в виде следующего вопроса: «откуда я знаю (или как я могу обосновать свое верование), что существуют другие существа, обладающие мыслями, чувствами и другими ментальными атрибутами?» [Avramides, 2020]. Классическим решением в данном случае считается рассуждение по аналогии: если мы имеем какое-то сходство между двумя вещами, то законно сделать вывод о том, что между этими вещами существуют другие дополнительные сходства. Этот аргумент впервые был представлен Р. Декартом, и позже Дж. С. Миллем [Mill, 1872. P. 243], а затем повторялся Б. Расселом [Russell, 1923. P. 502]. Солипсизм аналитических философов в вопросе других сознаний был связан скорее с эпистемологическими трудностями на пути постижения чужой субъективной реальности (например, проблема «квалий» связана с невозможностью доступа к опыту чужого переживания). В феноменологии, на наш взгляд, проблема носит более фундаментальный (онтологический, если угодно) характер, поскольку по наставлению Гуссерля мы выносим объективный мир за скобки, что составляет суть феноменологической редукции: «Когда я, медитирующий Я, посредством феноменологического *ἐποχή* редуцирую себя к своему абсолютному трансцендентальному Ego, не становлюсь ли я тогда неким *solus ipse* и не остаюсь ли я таковым, пока я провожу последовательное самоистолкование, называя это феноменологией?» [Гуссерль, 2010. С. 116]. Е. В. Борисов формулирует эту проблему следующим образом: «alter ego для меня – один из феноменов, конституируемых моими актами, но в то же время это и трансцендентальный субъект, в свою очередь конституирующий мир, в котором я сам являюсь для него одним из конституируемых феноменов. При этом переживания alter ego никогда не даны мне непосредственно, “в оригинале”: я могу лишь гипотетически реконструировать их содержание по их внешним (телесным) проявлениям, таким как мимика, жесты, произносимые слова и пр. В этом смысле alter ego представляет собой трансценденцию по отношению к моему Я» [Борисов, 1999. С. 65].

Наиболее полно проблематика доступа к другим сознаниям была рассмотрена Гуссерлем в V размышлении его «Картезианских медитаций», что произошло, как полагают некоторые авторы, под влиянием М. Хайдеггера [Крутоус, 2016. С. 176]. Другим важным дополнительным источником здесь выступает переосмысление эмпатии основателем Мюнхенского психологического института Т. Липпсом (Theodor Lipps). Липпс разрабатывает теорию эмпатии посредством критики подхода Дж. Ст. Милля, который видел в эмпатии вид рассуждения по аналогии. Согласно Миллю, эмпатия возникает у человека, когда он наблюдает поведение, похожее на его собственное: если тело другого движется определенным образом (например, уголки его губ поднимаются вверх), то мы можем сделать вывод, что наш визави радуется, ибо мы совершаем похожие телодвижения, когда мы испытываем чувство радости. Проблема этого рассуждения состоит в том, что оно основывается на неочевидном тезисе о подобии психологической конституции другого нашей конституции. Липпс

выдвигает теорию «имитации плюс проекции», которая гласит, что чувство эмпатии сходно с врожденным (инстинктивным) поведением, возникающем как прямой ответ на внешний раздражитель, это своего рода резонанс между разумами. В отличие от рассуждения по аналогии чувство эмпатии в теории Липпса не является сложной многоступенчатой когнитивной процедурой, но представляет собой инстинктивное действие. Хотя Липпс был прав в том, что понимал эмпатию как простое неразложимое действие, он все же ошибался в том, что по-прежнему предполагал, что эмпатия не дает нам прямого доступа к психической жизни другого, с чем не мог согласиться Гуссерль.

В качестве способа обнаружения другого Я Гуссерль выбирает обращение к собственному *ego*, к его трансцендентальным слоям: «в себе самом, в рамках своей трансцендентально редуцированной чистой жизни сознания, я обладаю опытом мира совместно с Другими» [Гуссерль, 2010. С. 119]. Иначе говоря, другое сознание мы ищем не в объективной реальности, а в своей интенциональной жизни. Таким образом, вопрос о существовании других сознаний трансформируется у Гуссерля в вопрос о том, каким образом мы конституируем другие сознания в собственном сознании. «Проблема, таким образом, ставится сначала в качестве специальной, а именно как проблема Наличия-для-меня (*Für-mich-da*) Других, как тема трансцендентальной теории опыта Чужого, как проблема так называемого вчувствования (*Einfüllung*)» [Там же. С. 120]. В поисках ответа на вопрос, как Другие даны нам, «мы сначала должны провести внутри трансцендентальной универсальной сферы особого рода тематическое *έλοχή*» [Там же. С. 121]. В результате мы должны выделить совокупность связей той интенциональности, «в которой *Ego* конституирует себя» [Там же]. Таким образом, тактика Гуссерля предполагает, что для обнаружения Чужого мы сначала должны увидеть Свое, поскольку именно на сфере «моего собственного» надстраивается объективная трансцендентность, включающая другие *ego* как явления объективного мира (и мое *ego* в том числе как часть этого мира).

Поскольку на уровне объективной трансцендентности нам даны как Другие, так и мое *ego*, постольку мы выходим на уровень интересубъективной сферы – *мира* как общности монад. Здесь проблема других сознаний решается через гуссерлевское понятие «жизненный мир» (*Lebenswelt*). Поскольку мы осознаем, что мир коррелирует с другими Я, постольку мы воспринимаем *ego* как нечто не зависящее от меня, нечто объективное. «Если осуществить феноменологию и как чисто эйдетическую науку, то получится наука о существенных свойствах и существенных связях, принадлежащих не только монаде как таковой, но и коммуникативной совокупности монад» [Husserl, 1977. P. 166]. Но и в этом случае эмпатия (или же вчувствование) не теряет значения, а, напротив, выступает как один из главных поддерживающих компонентов: «все эти структуры – интересубъективность, социальность, общность, историчность – конститутивно возможны благодаря эмпатии» [Walsh, 2021. P. 261].

Для лучшего понимания теории вчувствования Гуссерля, следует обратиться к различию между перцептивным и эмпатическим опытом. Перцептивный опыт, по Гуссерлю, состоит из презентации и аппрезентации. Презентация открывает нам видимый профиль объекта, в то время как аппрезентация имплицитно содержит в себе сопутствующие, еще не раскрытые, но имплицитно возможные профили. Эти два аспекта опыта «так слиты воедино, что находятся в функциональной общности *одного* восприятия» [Гуссерль, 2010. С. 156]. Ту же самую корреляцию аппрезентации и презентации мы видим в случае восприятия Другого: аппрезентация здесь существует лишь благодаря презентации, и обе они выступают в функциональной общности: «то, что я вижу в действительности, это не знак и не простой аналог, не отображение в каком-либо естественном смысле, а Другой» [Там же. С. 159]. Таким образом, в гуссерлевском понимании эмпатия есть процедура не зеркального, а проецирующего уподобления.

Психологическая помощь посредством вчувствования и понимания

Рассмотрев принципы конституирования Другого в феноменологии Гуссерля, вернемся к феноменологической психологии. Как мы видели в начале статьи, особенность феноменологического подхода стоит в том, что он предполагает отказ от заранее разработанных объяснительных схем и теорий, а истолкование психологических переживаний пациента заменяется на их дескрипцию с последующим вчувствованием, за счет чего происходит снятие субъект-объектного дуализма. Базовые идеи Гуссерля положили начало разветвившемуся направлению. Ярким примером такого продолжения является, в частности, феноменологическая психиатрия К. Ясперса. Двигаясь в заданном Гуссерлем направлении, Ясперс отмечает, что мы никогда не задумываемся над изолированными психологическими феноменами, причем как своими, так и чужими, и поэтому психиатр также не должен отгораживать себя от пациента. «Мы никогда не имеем повода рассматривать психологические феномены изолированно, например, восприятия и чувства сами по себе, и описывать их в их проявлении, в характере их бытия, в их данности. *Таким же образом* может поставить себя и психиатр по отношению к больному. Он может сопереживать, и в известной мере это всегда происходит без того, чтобы понадобилось размышление; он может приобретать при этом совершенно личностное, неформулируемое и непосредственное понимание, которое, впрочем, и для него самого остается чистым переживанием, но не становится осознанным знанием» [Ясперс, 1994. С. 28]. Если говорить о конкретных методах, посредством которых психиатр выстраивает связь с пациентом, то Ясперс называет три рода таковых: во-первых, переживания пациента манифестируются его поведением, выразительными движениями; во-вторых, больные исследуются через опрос и направляемый рассказ о самих себе; в-третьих, учитывается письменное са-

моописание. «Во всех этих случаях мы занимаемся феноменологией, поскольку мы при этом направлены на психическое, а не на объективные проявления, которые являются здесь скорее лишь переходным моментом, лишь средством, а не собственно предметом исследования» [Там же. С. 32]. Эти каналы и пути к индивидуальным переживаниям больного не могут считаться полностью надежными, поскольку предоставляют нам «хаос» психологических феноменов. Поэтому одной из задач феноменолога в этой связи является стремление сделать эти феномены константными. Следующий шаг логически вытекает из предыдущего – мы начинаем видеть психопатологические феномены (но не объяснять, что очень важно). В итоге мы получаем три группы болезненных феноменов: 1) те, которые нам известны по собственному опыту (отличие тут от патологии лишь в генезисе); 2) те, которые отличаются от наших лишь интенсивностью (либо усиленные, либо сниженные) или порядком (у больных эти переживания носят смешанный характер); наконец, третья группа включает такие переживания, которые полностью не поддаются пониманию с точки зрения здорового человека. В последнем случае мы можем использовать только аналогии и образы [Там же. С. 33]. Таким образом, феноменологическое направление в психологии стремится работать с *действительными* переживаниями пациента, отказывается от предзаданных теоретических объяснений и избирает своим методом вчувствование в переживания больного¹.

Другой пример развития феноменологического метода мы видим в работах американского психолога и психотерапевта Юджина Джендлина (Eugen Gendelin). Он делает акцент на работе с переживаниями, особенно заботясь о том, чтобы они не превращались в теоретически закостеленные конструкты. По его мнению, наши переживания – это непрекращающийся поток чувствований, к которому мы всегда можем обратиться посредством рефлексии. Излечение происходит не за счет установления причинно-следственной связи, а благодаря тому, что пациент может с помощью терапевта прочувствовать и пережить свои проблемы. Как следствие, главным методом лечения становится совместная работа терапевта и больного, а переживания первого приобретают не меньшее значение, чем переживания второго. В одной из своих статей по клиент-центрированной психотерапии Джендлин подчеркивает важность той психотерапии, которая «центрирована не столько на вербализуемом на сеансах содержании, сколько на “переживании” обоих участников терапевтического взаимодействия» [Джендлин, 1993]. Благодаря этой акцентуации, абстрактные объяснения уступают место уникальным переживаниям, что дает надежду на конструктивные изменения в личности пациента. Какие конкретные рекомендации предлагает наш автор? Прежде всего, вслед за своим учителем К. Роджерсом, он опирается на три условия психотерапии: эмпатия, принятие и подлинность. Первое подразумевает попытку прочувствовать переживания больного исходя из его собственного контекста. Второе базируется

¹ Более подробное описание разнообразия феноменологической методологии в психологии и психопатологии можно найти в книге Даррена Лэнгдриджа [Langdridge, 2007. P. 55–84].

на доверии и понимании пациента. Последнее – подлинность, или конгруэнтность, – предполагает, что терапевт в ходе сеансов избегает всяческой искусственности и фальши в своем поведении и старается быть самим собой. Это, по мысли Роджерса, должно привести к большей экспрессивности и самовыражению терапевта. Джендлин внес детализацию в процедуру самовыражения терапевта, выделив в ней три аспекта: ненавязчивость (предполагающую, что, выражая свои чувства, терапевт при этом не смешивает их с чувствами пациента), самонаблюдение (позволяющее обнаружить свои собственные реакции), простота (которая заключается в том, что чувства и мысли пациента понимаются терапевтом без излишней теоретизации). Джендлин завершает свою статью красноречивым примером из личной практики: в течение шести месяцев он дважды в неделю проводил молчаливые сеансы с пациентом, который отказывался вступать в вербальную коммуникацию. «Я стоял рядом с этим человеком, и мы оба молчали, но это вовсе не были минуты, когда ничего не происходит. Мне было ясно, что он продельывает большую внутреннюю работу и что я должен принять в ней самое живое участие и постараться повлиять на качество этого процесса» [Там же].

Заключение

В статье рассмотрено, почему феноменология сталкивается с проблемой доступа к другим сознаниям и как Гуссерль предлагает в рамках своего подхода решить это затруднение. Весь наш обзор был выстроен с целью показать, что феноменология может не только справиться с проблемой солипсизма, но и предложить рабочую методологию практикующим психотерапевтам. Как показало исследование, вчувствование Гуссерль понимает в качестве проецирующего уподобления, к которому мы приходим посредством обращения к трансцендентальным слоям собственного его. Поэтому вопрос о существовании других сознаний в феноменологии трансформируется в вопрос о способах конституирования других Я в собственном сознании. Это понимание эмпатии получило плодотворное развитие в среде психологов и психотерапевтов. На базе феноменологической методологии они разработали различные подходы, объединенные одним важным качеством – все они направлены на установление связи между терапевтом и пациентом. Главная задача терапевта заключается не в поиске причин заболевания, а в том, чтобы вникнуть в психопатологические феномены больного. Снимая субъект-объектный дуализм, мы приходим к тому, что переживания и пациента, и терапевта играют ключевую роль в процессе излечения.

Список литературы

Бинсвангер Л. Феноменология и психопатология // Логос. 1992. № 3. С. 125–136.

Борисов Е. В. Проблема интерсубъективности в феноменологии Э. Гуссерля // Логос. 1999. № 11. С. 65–83.

Гуссерль Э. Картезианские медитации / Пер. В. И. Молчанова. М.: Академический Проект, 2010. 229 с.

Джендлин Ю. Субвербальная коммуникация и экспрессивность терапевта: тенденции развития клиент-центрированной психотерапии / Пер. Ф.Е. Василюка // Московский психотерапевтический журнал. 1993. № 3.

Крутоус В. П. Анализ понятия «вчувствование» в феноменологической психологии Э. Гуссерля // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. № 2 (765). С. 173–191.

Кучинский Г. М. Феноменологическая психология Э. Гуссерля // Психологический журнал. 2010. № 1. С. 14–25.

Улановский А. М. Феноменология в психологии и психотерапии: прояснение неотчетливых переживаний // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 2. С. 27–51.

Ясперс К. Феноменологическое направление исследования в психопатологии // Логос. 1994. № 5. С. 25–41.

Avramides A. Other Minds [Электронный ресурс] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2020 Edition), E.N. Zalta (ed.), URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2020/entries/other-minds/> (дата обращения: 13.13.2022).

Husserl E. Phenomenological Psychology. Lectures, Summer Semester, 1925. The Hague: Nijhoff, 1977. 186 p.

Langdridd D. Phenomenological Psychology. Theory, Research and Method. Harlow: Pearson Education, 2007. 181 p.

Lipps T. Das Wissen von Fremden Ichen // Psychologische Untersuchungen. 1907. Bd. 1. P. 694–722.

Mill J. S. An Examination of Sir William Hamilton's Philosophy. London: Longman, Green, Reader and Dyer, 1872. 650 p.

Russell B. Analogy // Human Knowledge: Its Scope and Limits. London: George Allen and Unwin, 1923. P. 501–505.

Zahavi D. Self and Other: Exploring Subjectivity, Empathy, and Shame. Oxford: Oxford University Press, 2015. 280 p.

Walsh P. J. Husserl on Other Minds // The Husserlian Mind / Ed. by H. Jacobs. New York: Routledge, 2021. P. 257–268.

References

Avramides A. Other Minds // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / Ed. by E.N. Zalta. 2020. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2020/entries/other-minds/> (Accessed: 13.13.2022).

Binswanger L. Phenomenology and psychopathology // Logos. 1992. No. 3. P. 125–136. (in Russ.)

Borisov E.V. The problem of intersubjectivity in the phenomenology of E. Husserl // Logos. 1999. No. 11. P. 65–83. (in Russ.)

Gendelin E. Subverbal communication and expressiveness of the therapist: trends in the development of client-centered psychotherapy // Moscow psychotherapeutic journal. 1993. No. 3. (in Russ.)

Husserl E. Cartesian Meditations. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2010. 229 p. (in Russ.)

Husserl E. Phenomenological Psychology. Lectures, Summer Semester, 1925. The Hague: Nijhoff, 1977. 186 p.

Jaspers K. Phenomenological direction of research in psychopathology // Logos. 1994. No. 5. P. 25–41. (in Russ.)

Krutous V. P. Analysis of the concept of “feeling” in the phenomenological psychology of E. Husserl // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. 2016. No. 2(765). P. 173–191. (in Russ.)

Kuchinskii G. M. Phenomenological psychology of E. Husserl // Psychological journal. 2010. No. 1. P. 14–25. (in Russ.)

Langdrige D. Phenomenological Psychology. Theory, Research and Method. Harlow: Pearson Education, 2007. 181 p.

Lipps T. Das Wissen von Fremden Ichen // Psychologische Untersuchungen. Bd. 1. 1907. S. 694–722.

Mill J. S. An Examination of Sir William Hamilton’s Philosophy. London: Longman, Green, Reader and Dyer, 1872. 650 p.

Russell B. Analogy // Human Knowledge: Its Scope and Limits. London: George Allen and Unwin, 1923. P. 501–505.

Ulanovskii A. M. Phenomenology in psychology and psychotherapy: clarification of indistinct experiences // Moscow psychotherapeutic journal. 2009. No. 2. P. 27–51. (in Russ.)

Walsh P. J. Husserl on Other Minds // The Husserlian Mind / Ed. by H. Jacobs. New York: Routledge, 2021. P. 257–268.

Zahavi D. Self and Other: Exploring Subjectivity, Empathy, and Shame. Oxford: Oxford University Press, 2015. 280 p.

Информация об авторе

Санжеников Александр Афанасьевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН
Scopus Author ID 56786323200
AuthorID RSCI 625579

Information about the Author

Alexander A. Sanzhenakov, PhD, senior researcher, Institute for Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Scopus Author ID 56786323200

AuthorID RSCI 625579

Статья поступила в редколлегию 01.03.2023

The article was submitted 01.03.2023